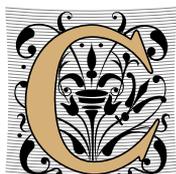


Исторический вестник. 2022. Т. XXXIX

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.39.005

С.М. Исхаков

## ПОЛИТЭМИГРАНТЫ-МУСУЛЬМАНЕ КАВКАЗА, КРЫМА, ПОВОЛЖЬЯ, УРАЛА, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЕВРОПЕ ( 1918 г. — КОНЕЦ 1930-х гг. )



овременная информационная война между Западом и Россией имеет глубокие исторические корни, которые постоянно дебатировались как в средствах массовой информации, так и в научной литературе. Особенно остро при этом встает вопрос интерпретации исторического

опыта управления национальной политикой в многоконфессиональной и полиэтнической Российской империи, православно-христианском государстве с идеологией консерватизма, оказавшемся в конце концов в глубоком кризисе в начале XX в.

В 1917–1920 гг. после краха самодержавия мусульманские народы Кавказа, Крыма, Поволжья, Урала, Центральной Азии создали различные формы государственности, используя при этом принципы демократии и парламентаризма, показали, что были способны справиться со сложными государственными задачами, а их руководители смогли доказать свою политическую компетентность, защищая интересы всех жителей их территории, независимо от этнического происхождения и вероисповедания. После завоевания этих земель Красной армией и установления здесь советской власти лидеры этих правительств, нацеленных на иное решение судеб своих народов, оказались в вынужденной эмиграции,

где они, воодушевленные идеалами спасения родины, восстановления утраченной государственности, освобождения от пролетарской диктатуры и большевистской власти, оставили яркий и неповторимый след в истории межвоенной Европы, а также интересные и содержательные публикации по истории разных народов Северной Евразии и их борьбы за свои интересы.

Высказанная при этом нелюбезная и обоснованная критика советской власти, не считавшейся с интересами нерусских народов, негативно отражалась прежде всего на международном имидже СССР, среди европейского пролетариата и особенно в странах Востока, оказывала сильное противодействие советской пропаганде, сталинской национальной политике, раскрывая при этом острейшие проблемы между большевистским Кремлем и мусульманскими народами этой страны.

Подобные разоблачительные материалы сыграли свою роль в расширении представлений европейцев о подлинной истории самодержавия, большевистской революции и Гражданской войны, о реальном положении мусульман при коммунистах. Публикации этих политэмигрантов были, как правило, сделаны на твердом историческом фундаменте, с глубоким знанием культуры, психологии своих народов, их традиций, особенностей мышления, восприятия окружающего мира.

В советской историографии изучение творчества и деятельности политэмигрантов и их лидеров не проводилось, их называли «буржуазными националистами», «панисламистами», «пантюркистами», «сепаратистами» либо вовсе не упоминали, пытаясь вычеркнуть их из истории. Однако их публикации стали одним из основных источников для западной историографии, предоставив исследователям прекрасные источники по истории антибольшевистского движения, которые помогали восстановить фактическую канву того, что происходило в Северной Евразии.

Причем работ о самих политэмигрантах в западной историографии, как отмечали французские ученые В. Фурнио и Э. Копо в начале 1990-х гг., имелось очень мало, невозможно было найти достоверные источники относительно внутренней динамики политэмигрантского движения, о взаимоотношениях политэмигрантов, о функционировании их организаций, о их руководстве, о стиле принятия решений и др.<sup>1</sup> Состав этих политэмигрантов был неоднороден — от монархистов до

<sup>1</sup> Fourniau V. Ali Mardan Topchibachi: deux langues, trois pays, pour quelle société plurielle? // *Mélanges offerts à Louis Bazin*. Paris, 1992. P. 305–309; Copeaux E. Le Mouvement «Prométhéen» // *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*. 1993. №. 16. P. 9, 19–20.

социалистов, и эмигрантская историография столь же была неоднородна, имела множество своеобразных черт.

Историографическая ситуация существенным образом изменилась, когда во время горбачевской «перестройки» и с распадом СССР стали рассекречиваться материалы из разных архивов и началась интенсивная работа по публикации документальных материалов по истории мусульманской эмиграции<sup>2</sup>, равно как ее изучению<sup>3</sup>.

У народов и у их элит, вставших после распада СССР на путь самостоятельного развития, возникли проблемы, о которых в свое время задумывались идеологи политэмигрантского движения. Оказалось, что их историко-философское и политическое наследие, включающее в себя широкий спектр взглядов, представляет большой интерес. В их рассуждениях встречаются мысли, которые весьма актуальны, а сами их авторы в то же время представляют собой в определенном смысле образец для

<sup>2</sup> *Топчибашев А.М.* Письма из Парижа. Баку, 1998; Из истории российской эмиграции: письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924–1932 гг.). М., 1999; *Чокаев М.* Революция в Туркестане. Февральская эпоха // Вопросы истории. 2001. № 2; «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5; *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио; М., 2001; *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002; *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2; Мухаммед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя // Вопросы истории. 2004. № 8, 9; *Расулзаде М.Э.* Сборник произведений и писем. М., 2010; Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем. М., 2011; Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей»: Сборник документов. М., 2012; *Топчибашев А.М.* Избранное: В 4 т. Т. 4. Баку, 2014; «Настал момент... предать оглашению»: азербайджанская эмиграция в письмах, записках, телеграммах 1920–1937 гг. М., 2015; А.-З. Валидов. Из переписки разных лет (1920–1938 гг.). М., 2016; *Топчибаши А.М.* Парижский архив. 1919–1940. В 4 кн. М., 2016–2018; и др.

<sup>3</sup> *Караев А.М. оглы.* Азербайджанская эмиграция 1920–1930 гг. (Культурологический аспект деятельности). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Ibrahimli X.* Azərbaycan siyasi mühacirəti (1920–1991). Bakı, 1996; *Cwiklinski S.* Die Wolga an der Spree. Tataren und Baschkiren in Berlin. Berlin, 2000; *Qasimli M.* Azərbaycan Türklərinin milli mücadələ tarixi. 1920–1945. İstanbul, 2006; *Penati B.* L'emigrazione nazionalista musulmana dall'ex Impero russo in Europa occidentale, 1919–1939. PhD thesis. Paris, 2008; *Mamouli G.* Les combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentales. Les cas la Géorgie (1921–1945). Paris, 2009; *Мамулия Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921–1945). Тбилиси-Париж, 2012; *Мамулия Г., Абутальябов Р.* Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции 1920–1945 гг. Париж; Баку, 2014; *Ibrahimli X.* Azərbaycan mühacirəti tarixi. Bakı, 2015; *Özcan Ö.* Bir vatandan bir vatana. Rusya Müslümanlarından Türk İlim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar. İstanbul, 2018; и др.



М. Чокаев

подражания, который вполне можно сравнить с современными политическими руководителями, вставшими у руля власти в постсоветских государствах.

Современный этап развития мусульманской политэмигрантологии, которая превратилась за последние годы в новое научное направление мировой историографии, характеризуется тем, что существенно расширяется его источниковая база, многие ценные документы, некогда преданные забвению и засекреченные, стали доступны исследователям, что положительным образом сказывается на полноте освещения исторических событий, глубине их анализа, объективности оценок роли различных исторических деятелей. К примеру, казах М. Чокаев был одним из последовательных борцов за построение демократического государства в Туркестане, противником национальной политики большевиков. Его биографии и творчеству посвящены многочисленные статьи и книги, изданные преимущественно в Казахстане, где сложилось новое научное направление — мустафаведение — и ведется разработка методологии исследования его исторического и творческого наследия, а также общественно-политической деятельности в период эмиграции. В 2006 г. здесь появился двухтомник его переписки, в 2013–2015 гг. издано его Полное собрание сочинение в 12 томах, подготовленное Институтом востоковедения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. В эти издания включен большой малоизвестный историко-архивный, документаль-

ный и мемуарный материал, отражающий события первой половины XX в. в Северной Евразии.

Источниковедческий анализ Полного собрания сочинений, однако, выявил целый ряд искажений воспроизведенных в нем документов, что обнаружилось при сравнении с архивными оригиналами. Причина намеренного пренебрежения предшествующими публикациями очевидна — создать у общественности, прежде всего, естественно, Казахстана, впечатление исключительной «новизны» всех опубликованных им источников, стремясь стать, так сказать, «первооткрывателем» и единственным публикатором наследия Чокаева. В то же время следует констатировать несоблюдение элементарных правил издания документов, а также низкий уровень археографической работы вообще, что привело к многочисленным ошибкам при воспроизведении источников. Кроме того, допущены и существенные пробелы в издании, претендующем на статус «полного собрания сочинений». Так, в нем отсутствует статья Чокаева «Туркестан и германская восточная политика» (1918 г.), опубликованная мной в 2014–2015 гг.<sup>4</sup>, не обнаружена хранящаяся в том же Российском государственном военном архиве, где работали казахские историки, конфиденциальная записка Чокаева «Тюркский фронт»<sup>5</sup>, подготовленная им в Париже в 1935 г. И это не случайно.

Дело в том, что в этой записке Чокаев, анализируя события периода крушения Российской империи, появления новых государств на ее пространстве, действия их лидеров, оказавшихся в эмиграции, обратил при этом внимание на влияние религиозного и национального факторов на революционный процесс, на судьбы молодых тюркских республик не только в Центральной Азии, но и в других частях Северной Евразии. Эти интереснейшие размышления по недавней истории Чокаева сводятся, по его же выражению, к «геополитике» отдельных стран тюркского заселения», которая, с его точки зрения, не дает возможности к какому-либо политико-экономическому объединению тюркско-му-

<sup>4</sup> Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014. С. 732–733; Исхаков С. Два неизвестных текста М. Чокаева // Материалы международной научной конференции «Мустафа Шокай: политики и ученый» 15 октября 2015 г., г. Алматы. Алматы, 2015. С. 187–190. Фрагменты этой статьи см.: Исхаков С.М. Мустафа Чокаев: малоизвестные эпизоды политической жизни и творчества // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 4. Восток на Западе, Запад на Востоке. М., 2014. С. 47–48.

<sup>5</sup> См. полный текст этой записки: Исхаков С.М. Записка М. Чокаева «Тюркский фронт» // Центральная Азия. Человек — общество — государство. Сб. статей. М., 2013. С. 106–123.

сультманских государств. В записке приводятся примеры такого состояния. В научной же общественности Казахстана ныне ошибочно считается, что Чокаев в эмиграции продолжал выступать за построение единого для всех тюркских народов государства. Данная записка опровергает такой активно пропагандируемый в Казахстане взгляд.

А в России до сих пор существует, к примеру, миф, что правительства ряда государств не теряли надежды с помощью эмиграции уничтожить советскую власть и поэтому поддерживали эмигрантов морально и материально для проведения антисоветской деятельности, обеспечивали тесную связь деятелей эмиграции со спецслужбами, в частности, Англии, Франции, Румынии, Германии, Турции и Польши. В частности, в 2001–2006 гг. появился ряд пропагандистских статей Т.М. Симоновой, которая попыталась дискредитировать мусульманских политэмигрантов, обвиняя их в пособничестве тем или иным антироссийским силам и в других грехах<sup>6</sup>. В таком же духе написана статья тройки других авторов<sup>7</sup>. Сложилось даже мнение, что на разведку Польши 1920–1930-х гг., как заявляет, например, Р.Г. Ланда, якобы работали «чуть ли не все видные мусульманские эмигранты»<sup>8</sup>. А.В. Логинов пишет, что в идейной эволюции мусульман-эмигрантов «возобладала пантюркистская и антироссийская идеология»<sup>9</sup>. При этом умалчивается главное: с созданием в 1919 г. Коминтерна, базировавшегося в Москве, советское руководство рассчитывало через него использовать леворадикальные силы в европейском рабочем движении с целью подготовки и осуществления революции в европейских странах, а затем в других частях мира, чтобы тем самым воплотить замысел мировой революции. Начатая большевиками пропагандистская война вызвала отпор со стороны эмигрантских организаций нерусских народов в Европе, действовавших поначалу разрозненно.

<sup>6</sup> См.: Симонова Т.М. Стратегические замыслы начальника польского государства Юзефа Пилсудского. Прометеизм во внешней политике Польши в 1919–1923 гг. // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 42–48; Она же. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63; Она же. Концепция «прометеизма» и политика Польши в отношении эмиграции из России (1920–1930) // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 266–290.

<sup>7</sup> Былинин В.К., Зданович А.А., Кортаев В.И. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М., 2007. С. 356.

<sup>8</sup> Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. М., 2011. С. 293, 297.

<sup>9</sup> Логинов А.В. Евразия и ислам. Евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России-Евразии. М., 2017. С. 96.

Одним из органов контрпропаганды стал журнал «Prométhée» («Прометей»), который стал издаваться Комитетом независимости Кавказа (из представителей Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа) в Париже с 1926 г. на французском языке. В Варшаве в 1928 г. была создана «Лига угнетенных Россией народов» (общество «Прометей»), в которую входили представители Азербайджана, Грузии, Дона, Ингрии, Карелии, Коми, Крыма, Кубани, Поволжья, Северного Кавказа, Туркестана, Украины и Урала. Общество «Прометей» по существу стало интернациональным АнтиКоминтерном. На основе этого журнала и общества и сложилось прометейское движение. Задачами прометейцев, во-первых, являлись пробуждение политического сознания своих народов, чтобы они сами могли решать свою судьбу, во-вторых, раскрытие перед европейской и мировой общественностью реальных проблем нерусских народов при советской власти, разоблачения большевистской диктатуры, пренебрегавшей в действительности самобытностью, культурой, историей, традициями нерусских народов Советского Союза. Главное внимание «Прометеем» уделялось пропаганде идеи объединения усилий разных нерусских народов в борьбе с большевизмом, за национальную независимость, против власти Кремля.

Прометейская тема вместо глубокого анализа вызывает у многих современных российских историков и политологов раздражение, обвинение в национализме и т.п. Так, по словам К.К. Федевича, прометейское движение «занималось объединением и поддержкой в Европе антисоветской националистической иммиграции населявших СССР нерусских народов»<sup>10</sup>. В пропагандистском тексте тройки казанских авторов в сетевом научном издании, которое входит в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, сказано, что «важнейшей целью политической активности прометеисты ставили необходимость утверждения среди польского народа необходимости защиты восточных народов от российского империализма»<sup>11</sup>. В другом пропагандистском тексте эта тройка утверждает, что прометеисты ставили цель разжечь не только антисоветские, но и русофобские настроения, содействовать нацио-

<sup>10</sup> Федевич К.К. Политика «прометеизма» и налаживание польско-украинского взаимодействия на антисоветской платформе в Восточной Галиции в 1930-е гг. // Профессор МГУ И.М. Белявская. М., 2005. С. 161.

<sup>11</sup> Гришин Я.Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р.Р. Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 1 (26). С. 6–6.

нальным движениям за политическую независимость в субъектах советской России, способствовать национальным революциям на территории СССР, усиливать сепаратистские настроения среди представителей национальной и духовной элиты национальных республик, разрушить СССР по национальному признаку, и в то же время прометеисты якобы проявляли «любовь и симпатии» к нацистской Германии, к тому, что происходило внутри ее<sup>12</sup>.

Подобные рассуждения — следствие, во-первых, масштабной дезинформации советского общества, которая использовалась спецслужбами в интересах борьбы, прежде всего, с внутренней оппозицией и протестными настроениями в самом СССР; во-вторых, современной пропаганды, в которую втянуты многие историки, перед которыми поставлена цель скомпрометировать в глазах неискующей читающей публики прежде всего руководителей прометейского движения, в которое входили представители нерусских народов из бывшей империи, в том числе тюркских; в-третьих, совершенно разного понимания предмета и задач исследования; в-четвертых, алхимического смешения пропаганды и науки.

Между тем, к примеру, в сборнике рассекреченных документов советской внешней разведки приводится ценное сообщение, полученное в феврале 1936 г. от «заслуживающего доверия источника», «близко стоящего к кругам» МИД Польши, о том, как польский Генштаб и МИД Польши использовали, как сказано в документе, «национальные элементы белой эмиграции»: их работа «ограничивается исключительно вопросами национальной эмиграции», пропагандой, поддержкой идейного и организационного единства и воспитания молодого поколения<sup>13</sup>. Представляли ли какую-либо реальную угрозу для непосредственного свержения советского строя подобные занятия прометейцев-мусульман? Конечно, нет.

В ходе первой научной конференции, посвященной политэмиграции нерусских народов межвоенного периода, состоявшейся в 2008 г. в Париже, исследователи из Италии, Казахстана, Польши, России и Франции отметили, что причины прометейского движения коренились прежде всего во внутренних проблемах Советского Союза, национальной политике Кремля. Так, Б.И. Садыкова (Казахстан), ко-

<sup>12</sup> Они же. Прометейская деятельность в 1932 г. — второй половине 30-х годов XX века // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 2 (27). С. 12–12.

<sup>13</sup> Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945). М., 2009. С. 48–49, 60, 74, 144.



М.Э. Расулзаде

торая участвовала в данной конференции, пишет в своей книге, что идеология этих политэмигрантов не содержала призывов ни к террору, ни к вооруженному свержению советского строя<sup>14</sup>. Каким, например, было отношение азербайджанского политэмигранта М.Э. Расулзаде к антисоветским выступлениям в Азербайджане? Об этом, в частности, можно судить по его письму лидеру азербайджанской политэмиграции А.М. Топчибашеву от 17 октября 1924 г., где он отмечал, касаясь событий на Кавказе: «Мы находили, что пока Россия не вовлечена в какую-нибудь серьезную войну или в России не вспыхнули серьезные осложнения, никакое вооруженное выступление не приведет к цели, и мы рискуем подвергать наши народы (Кавказа. — С.И.) неслыханной катастрофе, которая может отодвинуть дело освобождения на многие годы»<sup>15</sup>. Прометейцы исходили из реальной внутренней ситуации в советской стране, результатов проводимой Кремлем национальной политики. Прометейство, повторим, возникло в противовес Коминтерну, а прометейский антикоминтерновский Интернационал был к тому же антикремлевским проектом национально-государственного устройства СССР, исходившим из устремлений мусульманских народов Кавказа, Крыма, Поволжья, Урала, Сибири, Центральной Азии и других народов, создавших свою государственность после падения самодер-

<sup>14</sup> Садыхова Б.И. Мустафа Чокай в эмиграции. Алматы, 2009. С. 79, 119.

<sup>15</sup> А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. 1923–1926 гг. М., 2012. С. 53.



А.М. Топчибашев

жавия и империи и столкнувшихся с реальной, а не декларированной национальной политикой большевиков.

Уже в начале 1918 г. в Швейцарии два представителя Народного совета автономного Туркестана (парламент) обратились к президенту США В. Вильсону после его знаменитой речи 8 января 1918 г. в американском конгрессе, выражая просьбу защитить право мусульманских народов Центральной Азии на самоопределение. Это обращение вызвало в Европе сенсацию<sup>16</sup>.

В сентябре 1918 г. прибыл в Берлин председатель Народного совета автономного Туркестана казах С.-А. Лапин в качестве главы парламента Туркестана и руководителя самой влиятельной политической партии в Туркестане — «Шура-и улема» (Совет улемов). Цель его визита заключалась в том, чтобы получить помощь германского правительства в борьбе против большевиков в Туркестане. Лапин привез меморандум о создании Туркестанского султаната/эмирата, состоящего на федеративных началах из 5 ханств: Бухарское, Кокандское, Ташкентское, Туркменское и Хивинское. Для его выполнения требовалось введение в Туркестан объединенных вооруженных сил Германии и Турции. И план этот был разработан до мельчайших подробностей и получил утверждение как

<sup>16</sup> Кокебаева Г.К. Германия — Россия — СССР: политика, война и плен. Алматы, 2009. С. 271–272.

германского, так и турецкого командования<sup>17</sup>. Но в ноябре 1918 г. в кайзеровской Германии произошла революция, после которой вскоре возникла демократическая Веймарская республика, которая была заинтересована в налаживании отношений с советской Россией.

8 ноября 1918 г. был создан Комитет по созыву Туркестанского Учредительного собрания, который возглавил Чокаев. В таком качестве он собрался выехать в США и во Францию, но вместе с другими членами Всероссийского Учредительного собрания был арестован колчаковцами, которые 18 ноября 1918 г. совершили в Омске переворот. Чокаеву удалось бежать, но его поездка была сорвана. Он и другие представители мусульманских народов особенно надеялись на Парижскую мирную конференцию (18 января 1919 г. — 21 января 1920 г.), на которой решались важные вопросы послевоенного устройства мира, и стремились туда попасть, чтобы получить помощь европейских правительств в борьбе за признание государственной самостоятельности своих народов.

В конце 1918 г. находившееся под властью А.В. Колчака Национальное управление мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири предприняло усилия, чтобы направить своих представителей на Парижскую мирную конференцию. В направленной туда декларации этого управления от имени всех мусульман бывшей Российской империи было сказано: «Ввиду того, что на мирной конференции будут решаться вопросы войны и мира, внешней и колониальной политики, а также и вопрос о национальном самоопределении народов, т.е. вопросы, в решении которых заинтересована каждая национальность, представители 30-миллионного тюркского населения должны быть приглашены и допущены на мирную конференцию с правом решающего голоса. ... Всем российским тюркам должно быть предоставлено широкое и полное право на национальное самоопределение по свободному усмотрению самих тюрков. ...Всекие военные действия и приготовления к войне должны быть прекращены с установлением прочного мира для всех народов Европы, Азии и Африки и с предоставлением каждому из них права на полное национальное самоопределение»<sup>18</sup>.

Глава делегации этого управления С. Максудов, находившийся в марте 1919 г. в Финляндии, обратился к британским властям с просьбой предоставить ему визу для поездки в Лондон, чтобы встретиться с их представителями и охарактеризовать положение мусульман в России

<sup>17</sup> Чокаев М. Национальное движение в Средней Азии. С. 679, 680.

<sup>18</sup> Гражданская война в России и мусульмане. С. 746.



С. Максудов

и в Туркестане. Цель Максудова заключалась в том, чтобы вопрос о культурно-национальной автономии мусульман Европейской России и Сибири поставить в повестку мирной конференции при обсуждении проблем России. В британском МИДе, однако, посчитали, что визит Максудова окажет негативное влияние на британскую политику в Центральной Азии, породив у здешних мусульман тщетные надежды, и что визит такого крупного политика, как Максудов, вызовет протест со стороны российских представителей. Получив отказ в визе, Максудов расстроился, полагая, что на британских чиновников оказали влияние дипломаты как колчаковского МИДа, так и царского посольства в Лондоне<sup>19</sup>. И он оказался прав.

Как признавал глава Временного правительства Северной области Н.В. Чайковский, приехавший в январе 1919 г. в Париж для участия в мирной конференции, различные белые правители продолжали понимать задачу «собрания российского государства» в смысле методов XVI и XVII вв. и тем ставили достижение объединения центра и окраин на точку замерзания, так как правительства малых народов, входивших ранее в состав империи, считали, что отношения должны быть построены на основе соглашения, а не принуждения или насильственного по-

<sup>19</sup> *Dündar A.M. İngiliz Belgelerinde Sadri Maksudi Arsal ve «Rusya Müslümanları»nın Özgürlük Çabalarının Görmezden Gelineşi // Yirmi Birinci Yüzyılda İdil-Ural. İstanbul, 2008. S. 353–356.*

корения их центральной властью<sup>20</sup>. Именно из-за этого подхода существовало принципиальное расхождение между царскими/белыми и дипломатами-мусульманами. Поэтому главная задача последних состояла в том, чтобы доказать победившим державам, решающим судьбы народов, право на самостоятельное существование.

21 февраля 1919 г. Чокаев, находясь в Средней Азии, отправил радиogramму в Париж, адресованную председателю мирной конференции Ж. Клемансо, президенту США В. Вильсону, государственному секретарю США Р. Лансингу. В послании выражались надежда на обеспечение международным мирным конгрессом территориального единства Туркестана и признание «за краем с его тысячелетней культурой права на свободное автономное существование в братском содружестве с народами России». Спустя несколько лет, находясь в Европе, Чокаев объяснил, что имелось в виду под просьбой о помощи международного сообщества: «Конкретно это “обеспечение возможности суверенного волеизъявления населяющих Туркестан народов” нам... представлялось в следующем виде: на территорию Туркестана вводятся соединенные воинские силы государств Антанты под... командой... представителя нейтральной державы. Силы эти остаются в Туркестане до тех пор, пока там не создается прочное автономное правительство, опирающееся на Туркестанское Учредительное собрание и способное само поддержать должный правопорядок и охранять неприкосновенность своей территории. Мы не скрывали от себя, что в случае успеха реакции в России Туркестану придется защищать свои национально-суверенные права всеми доступными путями, не останавливаясь даже перед провозглашением своей национальной независимости под протекторатом будущей Лиги наций. Таким образом, даже для тех туркестанцев, кто слыл за людей “прочной российской ориентации”, в перспективе наступал какой-то определенный момент, когда и они считали для себя возможным и даже необходимым обращаться к помощи и поддержке посторонних внешних сил. ...Мне как председателю комитета предложено было ехать в Европу для личного поддержания просьбы комитета, но из-за паспортных затруднений выехать не удалось»<sup>21</sup>. Речь идет о том, что французские дипломаты не дали ему визу для поездки в Париж.

Очень точно сложность возникших в такой ситуации перед мусульманскими дипломатами задач на международной арене обрисовал

<sup>20</sup> Гражданская война в России и мусульмане. С. 722.

<sup>21</sup> Чокаев М. Национальное движение в Средней Азии. С. 678–679.

крымскотатарский политик А. Муфти-Заде, находясь в Крыму, захваченном белыми, вскоре после начала работы Парижской мирной конференции: «Мы в сфере влияния союзников, не признающих разделения России и отрицательно относящихся к элементам, стремящимся к политическому обособлению. Нам, татарам, это надо хорошо помнить...»<sup>22</sup> Представители парламента крымских татар в 1918–1920 гг. неоднократно обращались к европейским дипломатам, рассчитывая на их помощь в борьбе за независимость Крыма, но безуспешно.

Председатель Временного народного совета автономного Туркестана С. Шериф 11 марта 1919 г. подписал документ о том, что на мирную конференцию в Париж в качестве представителей Туркестанской автономии (на 20 марта 1919 г. был намечен созыв Туркестанского Учредительного собрания, но он не состоялся) направлены С.-Н. Мирджалилов и М. Бехбуди. Последний, однако, вскоре был убит, а другому посланцу также не удалось это сделать.

Некоему эмиссару Временного народного совета автономного Туркестана все же удалось добраться в сентябре 1919 г. до Харькова, который был занят тогда белыми. Как сообщила местная газета 27 сентября 1919 г., этот представитель (фамилия не называлась в целях его безопасности) приводил в своем докладе, с которым он ехал в Париж, сведения о действиях советской власти в Туркестане в отношении мусульман, составлявших свыше 95% всего населения. В результате политики большевиков голод достиг небывалых размеров. По официальным советским сведениям, от него здесь погибли не менее 800 тыс. человек. Некоторые кишлаки и аулы вымерли поголовно. Новая власть не церемонилась с мусульманами, и на этой почве шла непрерывная борьба, в которой перевес сил был на стороне большевиков, владевших аппаратом власти и вооруженной силой из 25 тыс. венгров — бывших военнопленных, при большевиках ставших солдатами «интернациональных» частей. При помощи этой мадьярской гвардии, а также броневых частей и артиллерии большевики и сохраняли свое господство в Туркестане.

Временный народный совет автономного Туркестана, по свидетельству этого его представителя, фактической власти не имел, но влияние его на мусульманское население было довольно велико и он вел агитацию против большевиков, особенно среди сельского населения. Политическая платформа этого Совета была такова: Туркестан является одним из штатов Российской Демократической Федеративной Республи-

<sup>22</sup> Таврический голос (Симферополь). 1919. 27 февраля.

ки и ни за одним из существующих на территории России правительств данный Совет не признает права представительства самобытных культурно-национальных, политических и экономических интересов Туркестана, поскольку это является прерогативой Туркестанского Учредительного собрания, полномочия которого должны были определяться федеральной конституцией. Этот дипломат также сообщил газете, что при посредстве Комитета по созыву Туркестанского Учредительного собрания Временный народный совет автономного Туркестана поддерживает дипломатические отношения с Парижем и Вашингтоном, куда он также намеревался отправиться<sup>23</sup>. Эта последняя фраза означает, на мой взгляд, что этим дипломатом мог быть сам Чокаев, который, прибыв в Харьков, не смог проехать дальше из-за «паспортных затруднений», т.е. не получил французскую визу. Как и в других подобных случаях, препятствия, чинимые белыми и европейскими дипломатами, сделали невозможным своевременное прибытие не только этого туркестанского представителя для участия в мирной конференции.

О том, что мусульманские политики направлялись участвовать в работе этой конференции, было, разумеется, известно большевикам, которые также препятствовали их намерениям, исходя из своих расчетов. Так, на данную конференцию в качестве представителя башкирского народа отправился Ш. Манатов<sup>24</sup>, которого направил нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин. Последнего не устраивала активность Максудова, который к тому времени уже был в Париже, где ожидал приезда других татарских представителей. Манатов был арестован в Стамбуле французами, но смог бежать и вскоре вернулся в Россию. Его вояж в Париж не удался.

Намерение татарских политиков отправиться в Париж вызвало сильное противодействие и со стороны колчаковцев, которые с этой целью использовали также башкирских деятелей. В начале июня 1919 г. управляющий МВД А.Н. Гаттенбергер сообщил в Управление делами верховного правителя и Совета министров, что следует довести до сведения мирной конференции протест нескольких башкирских политиков против того, что татары Г. Исхаков и С. Мамлеев являются уполномоченными мусульман России. Колчаковское правительство поставило в известность своего министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который находился в Париже, и официальных представителей других

<sup>23</sup> Южный край (Харьков). 1919. 27 сентября.

<sup>24</sup> Азербайджан (Баку). 1919. 22 февраля; 8 марта.



Г. Исхаков

стран в Омске, что эти лица, на их взгляд, не являются представителями всего мусульманского населения освобожденной от большевиков России, в частности башкир. 25 июля 1919 г. глава Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири Ибн. Ахтямов направил письмо управляющему колчаковского МИДа о том, что Исхаков находится в Токио, где не может получить визу для поездки в Англию от английского посла, который ссылается на полученные им соответствующие сведения из Омска. Возражая против такого отношения, Ахтямов указывал, что Исхаков является известным татарским писателем, депутатом Национального собрания мусульман Европейской России и Сибири и его представителем на Парижской мирной конференции. Ахтямов просил сообщить все это английскому послу в Токио<sup>25</sup>.

В начале июля 1919 г. Максудов получил в российском посольстве в Париже телеграмму из Токио, отправленную Г. Терегуловым (который заменил Мамлеева). В ней содержалась просьба помочь в получении английской и французской виз<sup>26</sup>. Максудов обратился с этим вопросом к знакомому французскому дипломату, который пообещал свою поддержку. В августе 1919 г. разрешения на их въезд были направлены в Японию, но об этом Исхаков узнал только в январе 1920 г. Поэтому

<sup>25</sup> Гражданская война в России и мусульмане. С. 724.

<sup>26</sup> Айда А. Садри Максуди Арсал / Пер. с тур. М., 1996. С. 126–127.

Максудову в Париже пришлось еще раз ходатайствовать насчет виз для Исхакова и Ф. Туктарова (заменившего Терегулова), и они только в конце марта 1920 г. прибыли в Париж<sup>27</sup>, где мирная конференция прекратила свою работу. Их миссия была сорвана колчаковскими дипломатами, но меморандум, подготовленный татарскими политиками, все же попал в Париж.

Министру иностранных дел Горской республики Г. Бамматову удалось в начале 1919 г. попасть сначала в Швейцарию, где он вел переговоры с американскими дипломатами. Один из них, П.А. Стоувэл, сообщал из Берна 5 февраля 1919 г. в Париж, где находился госсекретарь США, что Бамматов сообщил ему: его правительство очень ждет приглашения принять участие в конференции на Принцевых островах и готово вести переговоры с любым, в том числе и большевистским, правительством в России, если того пожелает американский президент. Бамматов также заявил, что его страна надеется оказаться под защитой Лиги наций как независимое государство и искренне желает, чтобы США получили от Лиги наций мандат на территорию его республики<sup>28</sup>. В меморандуме делегации Горской республики Парижской мирной конференции, датированном 9 мая 1919 г., содержался призыв признать ее независимость, разрешить делегации участие в конференции, принять республику в состав Лиги наций. В письме Бамматова министру иностранных дел Великобритании А. Бальфуру от 16 мая 1919 г. было выражено мнение, что когда представитель союзников генерал-майор У. Томсон, командующий британскими войсками на Кавказе, обратился с письмом, датированным 27 ноября 1918 г., к главе горского правительства, то тем самым правительство Англии признало де-факто правительство Горской республики<sup>29</sup>.

Дипломатическая делегация Азербайджанской республики выехала из Стамбула в Европу в апреле 1919 г. после трех месяцев ожидания визы. Переговоры членов делегации с английскими и французскими представителями показали, что вопрос въезда осложнялся политическими соображениями и планами победивших держав, их внутренними противоречиями. «Камнем преткновения» на пути в Париж для азербайджанской делегации стала позиция французского правитель-

<sup>27</sup> Цвиклински С. Новый документ о пребывании Садри Максуди в Париже в 1919 г. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2006. № 1. С. 64.

<sup>28</sup> Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia. Washington, 1937. P. 43–44.

<sup>29</sup> Гражданская война в России и мусульмане. С. 756.



Г. Бамматов

ства, которое не хотело допустить ее, так как они имели ярко выраженную английскую ориентацию. По прибытии в Париж делегация Азербайджанской республики обратилась с меморандумом к президенту США В. Вильсону. В этом документе делегация просила о признании независимости и суверенитета республики. 28 мая 1919 г. делегация была им принята, однако он высказался в том духе, что сначала следует решить «русский вопрос»<sup>30</sup>, т.е. урегулировать отношения с советской Россией. С таким подходом не были согласны представители молодых государств, возникших при распаде Российской империи. Они доказывали европейской общественности свое право на государственную самостоятельность.

В конце 1919 г. в результате парламентских выборов во Франции в новом парламенте большинство получили правые депутаты. В стране, как писал очевидец этих событий А.М. Топчибашев (возглавлявший упомянутую дипломатическую делегацию Азербайджанской республики в Париже), «восторжествовала политика нынешнего кабинета Клемансо, поддерживающая, между прочим, начала необходимости воссоздания «единой, неделимой России» с игнорированием стремлений маленьких народов к независимости!.. Очень уж сильно здесь влияние буржуазных элементов, вложивших когда-то свои капиталы в русские

<sup>30</sup> Посланцы Азербайджана на Парижской мирной конференции. Баку, 2010. С. 143, 149–150, 153–154, 162.

займы и предприятия»<sup>31</sup>. Ход военных событий в России оказывал также влияние на европейских и американских политиков.

К началу 1920 г. Антанты вынуждена была признать успехи большевиков в России в борьбе с белыми. Тем самым «русский вопрос» был снят с повестки дня, и Антанты решила прекратить вооруженную борьбу с советской Россией. Изменилась вместе с тем и позиция Антанты по отношению к новым республикам, в том числе к мусульманским. 10 января 1920 г. по предложению Великобритании была созвана сессия Верховного совета мирной конференции, ее высший орган, состоящий из представителей пяти главных союзных дружественных держав (Великобритания, Франция, Италия, Япония, США). Выступая с докладом, британский министр иностранных дел лорд Дж. Керзон обрисовал ситуацию на Кавказе, где успехи большевиков становились реальной угрозой, отступающие деникинцы могли ворваться в Закавказье, а кемалисты, договорившись с Москвой, могли вторгнуться в закавказские республики. Ситуация сложилась кризисная, поэтому Керзон предложил немедленно признать де-факто Азербайджан и Грузию. Поддержав британского представителя, премьер-министр Франции Ж. Клемансо предложил включить в повестку дня следующего заседания вопрос о признании независимости Азербайджана и Грузии. 11 января 1920 г. Верховный совет принял решение, согласно которому союзные государства признают правительства Азербайджана и Грузии де-факто. 15 января 1920 г. в МИД Франции были приглашены азербайджанцы А.М. Топчибашев, М. Магеррамов, грузины И. Церетели, З. Авалов, и генеральный секретарь министерства Ж. Камбон официально уведомил их о решении конференции признать де-факто Азербайджан и Грузию<sup>32</sup>.

К этой сессии было подготовлено обращение (датированное 10 января 1920 г.), которое председатель Национального совета мусульман Европейской России и Сибири С. Максудов передал французам, рассчитывая, что в ходе ее оно будет рассмотрено. Он от имени мусульман заявил, что после окончания мировой войны они ожидали от победы союзников морального вознаграждения — больше национальной свободы, так как считали, что заслужили это ценой жизни сотен тысяч своих сынов, павших на полях сражений, защищая интересы союзников. В России же при советской власти вместо свободы мусульмане испыты-

<sup>31</sup> Топчибашев А.М. Письма из Парижа. Баку, 1998. С. 86, 103.

<sup>32</sup> Гасанлы Дж.П. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости. М., 2011. С. 527–528, 531.

вали на себе самый отвратительный гнет, национальную и религиозную дискриминацию<sup>33</sup>. Было важно ознакомить путем выступлений в прессе, издания различного рода информационных материалов европейское и мировое общественное мнение с тем или иным народом, представить его страну в исторической ретроспективе, показать, что мусульмане в прошлом имели свою государственность и обладали всеми возможностями самостоятельного государственного бытия, которые были большевиками уничтожены.

16 января 1920 г. премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж на заседании представителей США, Великобритании, Италии заявил, что мусульмане во всем мире будут очень рады, если победившие державы признают Азербайджанскую и Горскую республики, которые были мусульманскими государствами. Вопрос о признании этих республик рассматривался британским лидером не только как фактор в борьбе с наступлением советской России на Кавказ, но и как важный элемент британской политики в мусульманском мире. На заседании Верховного совета 19 января 1920 г. обсуждался вопрос о снабжении Азербайджанской, Горской и Грузинской республик оружием и военным снаряжением, для чего были приглашены представители Грузии и Азербайджана, подробно отвечавшие на вопросы о ситуации в их республиках<sup>34</sup>.

Спустя почти год, в феврале 1921 г., Топчибашев пронизательно заметил, что признание союзниками де-факто Азербайджанской и других новых республик «все же оставляло место невыгодным для окраинных государств суждениям: в фактическом признании иногда хотели видеть как бы возможность при известных условиях возврата к прежнему положению... Конечно, такое понимание вызывало неудовлетворенность самих народов означенных республик...»<sup>35</sup>. Западные державы, с одной стороны, заявляли о своей приверженности принципу свободного самоопределения народов, но с другой — фактически отказали всем мусульманским народам царской империи стать на путь самостоятельной государственной и политической жизни, несмотря на все громкие заявления об уважении прав народов, которые прозвучали из уст западных лидеров на Парижской мирной конференции.

<sup>33</sup> Исхаков С.М. Воззвание Садри Максуди к Парижской мирной конференции: оригинал и переводы // Tatarica. 2014. № 1(2). С. 108–109.

<sup>34</sup> Documents of British Foreign Policy 1919–1939. First Series. Vol. II. 1919. London, 1948. P. 893, 897, 914–920.

<sup>35</sup> Гражданская война в России и мусульмане. С. 780.

После завершения ее работы дипломаты и другие представители мусульманских народов продолжали свою деятельность, особенно надеясь на поддержку Лиги наций. Весной 1920 г. представитель Татарского парламента Крыма Дж. Сейдамет обратился к правительству Польши с предложением принять с одобрения Лиги наций мандат над Крымом, который находился под властью генерала П.Н. Врангеля. 17 мая Сейдамет направил в секретариат генерального секретаря Лиги наций меморандум с предложением передать Крым под протекторат Польши<sup>36</sup>. После того как французское правительство в августе 1920 г. признало правительство Врангеля, Сейдамет 15 сентября 1920 г. передал министру иностранных дел Франции А. Мильерану меморандум, в котором выражался протест против этого шага французских властей и подчеркивалось, что только крымские татары способны защитить Крым<sup>37</sup>. В октябре 1920 г. Сейдамет приехал в Варшаву, чтобы встретиться с Ю. Пилсудским<sup>38</sup>. Польский лидер согласился с предложением Сейдамета при условии, если такое решение примет не только Лига наций, но и Украинская Народная Республика. Ее правительство заявило, что готово предоставить Крыму широкую автономию, но мандата Польши над Крымом не признает<sup>39</sup>.

Несмотря на провозглашение Татарской АССР (май 1920 г.), Максудов в Европе по-прежнему воспринимался как представитель интересов татарского народа, являясь председателем Заграничного представительства татар-мусульман внутренней России, который был органом Культурно-национальной автономии мусульман Европейской России и Сибири. В середине декабря 1920 г. в парижской русскоязычной газете было опубликовано заявление этого представительства. В документе было сказано, что татары полагают, что только избранные на основании демократических принципов представители России могут говорить от имени России, и только голос и мнение таких представителей могут иметь вес и моральный авторитет, как в глазах народов самой России, так и среди других народов<sup>40</sup>.

В январе 1921 г. в Париже состоялось совещание 33 депутатов Всероссийского Учредительного собрания. Главной целью этого совещания

<sup>36</sup> Zbiór dokumentów ppłk. Edmunda Charaszkiwicza. Kraków, 2000. S. 60.

<sup>37</sup> *Sejdamet D.* Krym. Warszawa, 1930. S. 158.

<sup>38</sup> *Maj I.P.* Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939. Warszawa, 2007. S. 202.

<sup>39</sup> *Симонова Т.М.* Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. С. 58.

<sup>40</sup> Последние новости (Париж). 1920. 17 декабря.



Д. Сейдамет

было показать мировому сообществу их отношение к советской России, к большевистской власти. В числе участников этого совещания были такие известные политики, как глава Временного правительства А.Ф. Керенский, министры этого правительства Н.Д. Авксентьев, В.М. Чернов, П.Н. Милюков, а также С. Максудов<sup>41</sup>. Русские политики обещали мусульманским представителям обсудить национальный вопрос и разработать свою резолюцию еще до начала совещания, но этого не произошло. Поэтому в ходе совещания произошла острая полемика между русскими и татарскими политиками.

9 января 1921 г. Максудов в первом своем выступлении критиковал политику русских правителей по отношению к татарскому народу, в частности, подробно описал разрушение Казани Иваном Грозным. Максудов говорил о том, что национальный вопрос при самодержавии всегда старались скомкать и в Думах, и в земствах, и везде, где преобладали реакционеры, а ведь, подчеркивал он, есть народы, для которых этот вопрос является вопросом жизни и смерти, имея в виду и татарский народ. Максудов призывал участников совещания сказать открыто, ясно и определенно всем народам России то, что они намерены дать по всем волнующим российских граждан вопросам, по вопросу аграрному, политическому, экономическому и национальному. Максудов предложил участникам совещания включить

<sup>41</sup> Там же. 1921. 25 января.

в программу пункт о национальном вопросе и откровенно высказаться по нему<sup>42</sup>.

15 января участники совещания обсуждали две резолюции. Первая относилась к тем новым государствам, которые образовались на периферии бывшей Российской империи. При обсуждении этого документа Максудов заявил, что помимо воли народа не может существовать тот или иной государственный порядок. Он сказал, что основной причиной отделения от России бывших ее территорий явилось естественное и законное стремление народов этих окраин к самоопределению. По его мнению, когда в России установится настоящий демократический строй, тогда все бывшие ее окраины сами придут к ней.

Затем началось обсуждение текста резолюции по национальному вопросу. Максудов зачитал достаточно конкретный проект, в котором было сказано: «В Российской Федеративной Демократической Республике каждой национальности, населяющей определенную область в преобладающем количестве, должны быть предоставлены право и свобода образовать автономную государственную единицу, федеративно входящую в Российскую республику». Кроме того, проект предусматривал и культурно-национальную автономию. Федеративная республика должна была состоять не из союза штатов, а из союза народов. Затем Максудов произнес большую речь, в которой объяснил позицию мусульманской фракции. По его мнению, русские политики на совещании предложили резолюцию, в которой не гарантировались права народов как таковые и не предоставлялась культурно-национальная автономия. Резолюция, которая фактически повторяла заявления Временного правительства в 1917 г., недоговаривала о многом, создавала в будущем основу для нежелательных толкований.

Далее Максудов указал, что в основу федерации должен быть положен принцип, по которому центральная власть не могла бы вмешиваться во внутренние дела того или иного народа. Он предложил свою резолюцию положить в основу резолюции совещания. Началось бурное обсуждение его речи, высказывались различные взгляды. Русские политики в итоге не поддержали проект мусульманской фракции. Выслушав своих оппонентов, Максудов констатировал: «У вас и нас понимание разное. Мы не можем отказаться от права когда-нибудь образовать *территориальный штат...*»

<sup>42</sup> Общее дело (Париж). 1921. 12, 19 января; Дневник П.Н. Милюкова. 1918–1921. М., 2004. С. 542, 544, 551.

Обсуждение национального вопроса продолжилось на заседании 17 января, поскольку существовало большое разногласие с мусульманской фракцией, которая, как отмечалось в газетных отчетах, решительно не соглашалась с позицией русских политиков. Согласно же дневнику Милюкова, Максудов заявил, что фракция вносит другой проект резолюции, в котором отмечалось, что в России дискриминируется самая принадлежность к нерусскому этносу, например к татарскому народу, что хотя индивидуумы не ограничены в правах, но отсутствуют национальные права, что необходима полная национально-культурная автономия: не для отдельных индивидуумов, а для всей нации, как юридического лица, что значило наличие публично-правовых привилегий. «Это — мнение нашего народа, — указывал Максудов, — это и научное понимание культурной автономии»<sup>43</sup>.

Его позиция основывалась на статьях Конституции культурно-национальной автономии мусульман Европейской России и Сибири, принятой в Уфе в конце 1917 г. Таким образом, Максудов не признавал национальные республики, в том числе Татарскую АССР, созданные по проектам, выдвинутым из Кремля, и одновременно настаивал на праве нерусских народов в будущей несоветской России образовать территориальную единицу, поскольку такое право должно быть предоставлено каждому народу.

21 января 1921 г. был принят проект заключительного заявления совещания, в котором было отмечено, в частности, что им принят принцип культурно-национальной автономии, признающей право национальности, как целого, для народов Европейской России, а для наиболее значительных и компактно существующих народов организацию в особые федеративные единицы, оградив в то же время права национальных меньшинств. Эта формулировка, как сообщалось в газетах, не была поддержана мусульманской фракцией во главе с Максудовым. Тем не менее Максудов был избран в состав комиссии, главными задачами которой являлись проведение в жизни решений совещания и подготовка создания общедемократического постоянного органа представительства России за границей<sup>44</sup>.

Максудов под упомянутым выше территориальным штатом имел в виду Идель-Уральскую республику, решение о создании которой было

<sup>43</sup> Последние новости (Париж). 1921. 15, 16, 18, 19 января; Общее дело (Париж). 1921. 15, 16, 19 января; Дневник П.Н. Милюкова... С. 578, 579, 587.

<sup>44</sup> Общее дело (Париж). 1921. 22 января; Дневник П.Н. Милюкова... С. 612.

принято в Уфе в конце 1917 г.<sup>45</sup> Лидером этой республики был Г. Исхаки, который приехал в Париж в 1920 г. и стал одним из лидеров всей татарской эмиграции, оказывая на нее большое влияние своим авторитетом. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие факты. Осенью 1923 г. Лубянка сообщила Сталину, что предполагается возвращение в Татарскую АССР из-за границы интеллигенции, эмигрировавшей во время Гражданской войны, что, конечно, было бы на руку большевикам, но этого не произошло. В конце 1923 г. чекисты докладывали в Кремль, что в Татарской АССР татарская интеллигенция поддерживала связь с эмигрантскими группами, отправляла молодежь учиться за границу, где она воспитывалась в эмигрантской среде<sup>46</sup>.

В Париж в 1921 г. приехал Чокаев и был очень активен, что вскоре вызвало реакцию в Москве. К примеру, летом 1923 г. Лубянка докладывала Сталину, что группа влиятельных казахов намеревалась использовать свой авторитет среди мусульманских масс, чтобы поднять общий протест против угнетения казахской нации, пропагандируя «идею образования из восточных республик отдельного государства»<sup>47</sup>, т.е. независимого Туркестана. Такая перспектива не устраивала Кремль, и в 1924 г. Туркестанская АССР была упразднена и произвольно разделена на части, что вскоре привело к многочисленным острым территориальным спорам и межэтническим конфликтам между местными народами.

Советская национальная политика вызывала большое недовольство и на Кавказе, представители которого также прибыли во Францию после Гражданской войны в России. В Париже существовал центр, в который, как сообщала Лубянка Сталину в октябре 1922 г., входили члены азербайджанской партии «Мусават» («Равенство»), находившейся в советском Азербайджане на нелегальном положении, а также северокавказские горцы. Этот центр тесно был связан с французским правительством, русской эмиграцией и белыми генералами<sup>48</sup>. Речь идет о Комитете «Франция — Восток», основанном в 1913 г. при поддержке МИД Франции. В руководство комитета входили французские генера-

<sup>45</sup> В Уфе 20 ноября 1917 г. открылось Национальное собрание мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, которое 29 ноября приняло решение о создании Идель-Уральской республики. 1 марта 1918 г. в Казани она была провозглашена, а 29 марта 1918 г. была разгромлена советской властью.

<sup>46</sup> «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. 1922–1923 г. Ч. 2. М., 2001. С. 946, 974.

<sup>47</sup> Там же. С. 924.

<sup>48</sup> Там же. Т. 1. 1922–1923 г. Ч. 1. М., 2001. С. 271.

лы, министры, дипломаты, известные политики, представители парижской прессы, видные ученые. Франция в 1920-е гг. стала политическим и культурным центром не только русского зарубежья, но и мусульманской политэмиграции. Демократические традиции Французской республики, доброжелательное отношение французов к выходцам из многонациональной Северной Евразии сыграли свою роль.

С этим комитетом был связан Чокаев. Из перехваченных чекистами писем, направленных одним казаком из Германии в Ташкент, было установлено, что Чокаев, как сказано в докладе Лубянки Сталину в апреле 1923 г., «заведует восточным отделом эмиграции в Париже». Чокаева видели в Берлине, куда он приезжал на съезд эмигрантов<sup>49</sup>. В начале 1923 г. в Берлине состоялось созванное по инициативе татар-эмигрантов, одним из которых был Г. Исхаки, собрание эмигрантов-мусульман, на котором был организован клуб «Туран» для объединения азербайджанцев, туркестанцев, крымских и поволжских татар, башкир<sup>50</sup>. Эти усилия по установлению «идейных» связей между ними вызывали тревогу в Кремле и на Лубянке, где предприняли меры.

В 1924 г. в Европу прибыл А.З. Валидов, который в годы революции и Гражданской войны в России был одним из руководителей Башкирской республики и стал коммунистом. Очень скоро его стараниями работа берлинского клуба «Туран» практически была парализована, а затем он прославился и другими раскольническими действиями в политэмигрантском движении, особенно мешая Г. Исхаки и М. Чокаеву. В 1927 г. в Париже в результате валидовских интриг Чокаев все же был вынужден выйти из состава ЦК Туркестанского национального объединения<sup>51</sup>.

Стамбул являлся другим важным центром мусульманской политэмиграции. Здесь находились различные организации, действовавшие против советской власти на Кавказе, где ситуация из-за проводимой там большевиками политики была чрезвычайно нестабильной, в чем Кремль, разумеется, обвинял эмиграцию и «империалистов». В сентябре 1921 г. в Стамбуле начались совещания известных политических деятелей Грузии (Н.Г. Хомерики), Азербайджана (М. Рафиев, Ш. Рустамбеков)

<sup>49</sup> Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сборник документов. Караганда, 2005. С. 375.

<sup>50</sup> Мухаммед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя. № 8. С. 10.

<sup>51</sup> Из истории российской эмиграции: письма А.-З. Валидова и М. Чокаева... С. 11; Исхаков С.М. Ахмед-Закки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 149, 150; Мухаммед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя. № 8. С. 8.



А.-З. Валидов

и Северного Кавказа (А. Цаликов), затем был создан информационный отдел, а в декабре 1921 г. на этой основе было организовано Информационное бюро Союза кавказских республик.

Именно в Стамбул в 1922 г. приехал из советской России М.Э. Расулзаде. В 1924 г. в Стамбуле представители Грузинской национально-демократической партии совместно с группой азербайджанских и горских эмигрантов создали Комитет кавказских конфедератов. В 1925 г. в Стамбуле был создан Комитет независимости Кавказа (КНК). В этом же году парижский Кавказский комитет, созданный в 1924 г., обратился к стамбульскому КНК с предложением о создании единого комитета. Последовавшие за этим в течение года переговоры завершились созданием летом 1926 г. в Стамбуле объединенного КНК, в состав которого, в частности, вошли от Азербайджана М.Э. Расулзаде и М. Векилов, а от Северного Кавказа внук имама Шамиля С. Шамиль и А. Кантемир.

В Праге в 1926 г. возникла Народная партия горцев Кавказа. Главной целью ее было создание независимой республики горцев в составе Кавказской Конфедерации. Партию сначала возглавил А. Цаликов, а после того как он уехал отсюда в 1927 г. в Варшаву, руководителем этой партии стал С. Шамиль.

Осенью 1927 г. Топчибашев дал оценку сложившимся отношениям между Азербайджанским национальным центром и дипломатической делегацией Азербайджанской республики, разногласиям между делегацией (в Париже) и мусаватистами в Стамбуле, которые фактически

игнорировали его. В январе 1928 г. Топчибашев направил письмо Стамбульскому комитету «Мусават», в котором подверг беспрецедентно резкой критике Расулзаде и его соратников как «группу, ответственную за настоящее несчастье страны»<sup>52</sup>, возложил на мусаватистов во главе с Расулзаде ответственность за падение Азербайджанской республики в апреле 1920 г. Налицо был глубокий раскол среди азербайджанской политэмиграции. В 1931 г. Расулзаде был депортирован из Турции под давлением Кремля. Из Стамбула он уехал в Варшаву.

В 1928 г. был создан ЦК независимости Идель-Урала во главе с Г. Исхаки, который приступил к выпуску журнала на татарском языке «Милли юл» («Национальный путь»), специально для освещения положения тюркских народов в СССР, в особенности в Татарской и Башкирской АССР, куда номера журнала нелегально переправлялись. Он считал, что советская власть среди этих народов непрочна. Находясь в Праге в конце 1932 г., он на собрании казаков-эмигрантов сказал: «Я уверен (хотя я уже не молод), что увижу свою свободную Татарскую республику»<sup>53</sup>, т.е. Идель-Уральскую республику. Веские основания для такого заявления у него имелись, поскольку он прекрасно знал подлинное отношение мусульманского населения Поволжья и Урала к советской власти.

В 1932 г. в Москве, Татарии, Башкирии и Крыму чекистами была ликвидирована, по их терминологии, «повстанческая организация», ставившая своей конечной целью поднятие вооруженного восстания против советской власти и создание самостоятельного «буржуазно-демократического государства — от Крыма до Урала (Идель-Уральского государства)». Во главе организации стояли татары-коммунисты, которые были связаны с «белоэмигрантским центром в Польше в лице Гаяза Исхаки». По этому «делу» были осуждены 85 человек. В марте 1933 г. чекисты ликвидировали в Башкирии, как сказано в их отчете, «повстанческую организацию», ячейки которой имелись на Урале, в Татарии, в связи с чем было решено усилить агентурную «разработку татаро-башкирского беглого кулачества»<sup>54</sup>, имея в виду политэмигрантов.

В 1938 г. по «делу» об «Идель-Уральской организации» большая группа татарских и башкирских представителей интеллигенции была обви-

<sup>52</sup> Сафарова А. Идея Кавказской Конфедерации в эмигрантский период политической деятельности А.М. Топчибашева // Известия Национальной академии наук Азербайджана: Серия истории, философии и права. 2001. № 3. С. 32.

<sup>53</sup> Вольное казачество (Прага). 1932. 25 декабря. С. 6, 7.

<sup>54</sup> «Совершенно секретно»... Т. 10. В 3 ч. Ч. 2. М., 2017. С. 471, 473, 558, 559.

нена в создании организации для свержения советской власти. Судебный процесс состоялся в Казани в мае 1938 г. Кроме того, в приговоре закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу знаменитого большевика М. Султан-Галиева (8 декабря 1939 г.) ему вменялось, в частности, то, что в 1933 г. он пытался, как сказано в документе, «установить связь с лидером татарской белоэмиграции Гаязом Исхаковым». В 1989 г. было установлено, что подобное обвинение было следствием указания наркома внутренних дел Татарской АССР, который основывался на том, что Исхаков является идейным руководителем «контрреволюционной» организации «Идель-Урал», финансируемой за рубежом<sup>55</sup>. Эта и другие созданные политэмигрантами различные организации рассматривались Варшавой в качестве правительств в изгнании соответствующих народов.

С ЦК независимости Идель-Урала, однако, отказался сотрудничать Валидов, который, продолжая свои интриги, создал отдельную башкирскую организацию. Вновь оказавшись в Париже, где жил тогда Чокаев, Валидов 31 июля 1928 г. написал ему письмо, обсуждая их взаимоотношения. Чокаев откликнулся, но Валидов не ответил ему<sup>56</sup>, а обратился за поддержкой к авторитетному в мусульманской политэмиграции Топчибашеву, с которым встретился в августе. После этого 18 сентября 1928 г. Топчибашев написал Чокаеву: «Горький опыт жизни меня убедил, что взаимные недоразумения, особенно среди людей Востока, зачастую являются результатом взаимного непонимания, недоговоренности и субъективных соображений... Желая быть полезным не чуждому и мне Туркестану, я считаю долгом предложить Вам следующее: в Париже находится сейчас Ахмед Заки Валиди, встреча с которым помогла бы, я не сомневаюсь, разъяснить и рассеять многое для Вас. Не пожелаете ли Вы с ним повидаться у меня? Мы будем только пока втроем. Если Вы согласны, сообщите мне, тогда я уведомя А.З. Валиди и после получения его согласия я извещу Вас и его о времени встречи. Я не сомневаюсь, что это мое предложение, исходящее из горячего желания урегулирования взаимоотношений в общих наших интересах, встретит сочувственный отклик Ваш и г. Валиди. В этой уверенности и в ожидании Вашего сообщения шлю Вам искренний привет и добрые пожелания всякого

<sup>55</sup> Мухаммед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя. № 8. С. 14.

<sup>56</sup> Из истории российской эмиграции... С. 37–38.

благополучия»<sup>57</sup>. Получив это предложение, Чокаев 20 сентября ответил так: «Искренне Вам признателен за желание примирить нас, но есть обстоятельства, которые, к сожалению, едва ли могут быть устранены. Постараюсь в нескольких словах объяснить Вам эти обстоятельства. В конце прошлого года, исчерпав все возможности согласовать наши приемы работы, я вынужден был заявить о своем выходе из стамбульской организации, сгруппировавшейся вокруг созданного моими усилиями журнала “Йени Туркестан”. Все это сделано было мною без шума... И вдруг совершенно неожиданно узнаю, что мой друг Ахмед-Закки Валиди обо мне написал одному из наших общих приятелей письмо, содержание которого, по словам его адресата, крайне смутило “всех друзей Туркестана”». Дальше Валидов, утверждал Чокаев, пошел на фальсификацию и подлог документов. «Скажите, Али-Мардан-бей, как могу я с ним встречаться? Я не могу подать руки ему!»<sup>58</sup> — возмущался Чокаев. Их встреча не состоялась.

Во время этой поездки Валидову была предоставлена возможность выступить на совещании представителей Азербайджанской, Горской, Грузинской и Украинской республик с докладом о Туркестане<sup>59</sup>. После этого в 1929 г. Валидов был исключен не только из ЦК Туркестанского национального объединения, но вовсе из рядов этой организации, а Чокаев восстановлен в ее ЦК и стал безраздельно ею руководить<sup>60</sup>. Так Валидов оказался вне политэмигрантского движения. О том, что чувствовал Топчибашев, сталкиваясь с подобными явлениями в мусульманской политэмиграции, можно судить по фрагменту из его письма от 5 ноября 1929 г. близкому к нему азербайджанскому эмигранту: «С ужасом гляжу на всеобщую вакханалию разнузданных страстей, растлевающих все и вся, интриг, разлагающих общее дело, тенденции разрушения и эгоистических стремлений!!»<sup>61</sup>

Конфликт между Валидовым и Чокаевым продолжился, перейдя и на страницы печатных изданий. Так, в конце 1931 г. — начале 1932 г. Чокаев в своем журнале «Яш Туркестан» («Молодой Туркестан») писал: «Можно лишь поражаться и пожалеть, что между нашими национальными врагами — большевиками и считающим себя нашим националь-

<sup>57</sup> Шокай М. «Туркестан — наша общая колыбель». Туркестан в документах из личного архива Мустафы Чокая. Т. 1. Алматы, 2011. С. 333–334.

<sup>58</sup> Шокай М. Полное собрание сочинений. Т. 12. Алматы, 2014. С. 85–88.

<sup>59</sup> Топчибаши А.М. Парижский архив. 1919–1940. Кн. 3. М., 2017. С. 548–549.

<sup>60</sup> См.: Из истории российской эмиграции: письма А.-З. Валидова и М. Чокаева... С. 11.

<sup>61</sup> «Настал момент... предать оглашению»... С. 185.

ным другом профессором Стамбульского университета Ахмед-Закки Валиди беем существует такая психологическая и моральная близость... С тех пор как Закки-бей побывал в рядах русской коммунистической партии, ложь стала для него методом политической работы... Совершенно ложно описание Закки-беем своей собственной роли вне Башкирии, и в отношении самой Башкирии самописание Закки-бея нуждается в исправлении...» Валидов «грешит в отношении своих ролей, разыгранных им в Башкирии»<sup>62</sup>. Политэмигранты, как иллюстрирует эта ситуация, вели настоящую научную критику той масштабной фальсификации истории их народов, которая имела место не только в Советском Союзе, но и в эмиграции, в особенности при освещении событий революционного времени, Гражданской войны и борьбы за самоопределение. Последствиями же глубокого и продолжительного валидовско-чокаевского конфликта стал сильный раскол в мусульманской эмиграции, особенно между башкирами и туркестанцами, башкирами и татарами, туркестанцами и кавказцами.

Кроме того, в начале 1934 г. в Париже Бамматов, до 1917 г. монархист и черносотенец, стал издавать журнал «Кавказ», который развернул настоящую антипрометейскую пропаганду, что нельзя объяснить только тактическими разногласиями, она явно преследовала не только цель реабилитировать свое поражение во время борьбы Горской республики за независимость в годы Гражданской войны, но фактически вносила раскол в ряды политэмигрантского движения в целом.

Несмотря на бамматовские интриги, 14 июля 1934 г. в Варшаве лидеры национальных центров Азербайджана (М.Э. Расулзаде и А.М. Топчибашев), Грузии (Н. Жордания и А. Чхенкели) и Северного Кавказа (М.Г. Сунш, И. Чулик и Т. Шакман) подписали пакт Кавказской Конфедерации, резиденцией которой стал Париж. 14–16 января и 23 февраля 1935 г. в Брюсселе проходила конференция кавказских организаций, на которой Комитет независимости Кавказа был преобразован в Совет Конфедерации Кавказа (СКК), которому придавались полномочия общекавказского правительства в изгнании. СКК обладал правом ведения дипломатических, пропагандистских и иных акций. СКК, официальный статут которого был утвержден 20 июля 1935 г., состоял из 12 членов, делегированных в него национальными центрами (по четыре человека от каждого центра) сроком на два года. Исполнительным и руководящим

<sup>62</sup> Шоқай М. Шығармаларынын толық жинағы: Он екі томдық. Алматы, 2013. Б. 67, 68, 69; Гражданская война в России и мусульмане. С. 394–395, 397, 398.



М.Г. Сунш

органом СКК являлся президиум, состоящий из Жордания, Расулзаде и Сунша<sup>63</sup>.

Еще одна новая организация была создана в ходе состоявшейся 17–26 апреля 1936 г. в Париже конференции политэмигрантов под названием «Союз тюркских стран, угнетаемых Россией» (или «Тюркский союз стран, угнетенных Россией»). Ее главная цель — право их стран на самоотделение и независимое существование. Соответствующий протокол подписали представители Азербайджана (М.Э. Расулзаде, М. Векилов, М.-Я. Мехтиев<sup>64</sup>), Крыма (Дж. Сейдамет), Поволжья и Урала (Г. Исхаки), Северного Кавказа (М.Г. Сунш) и Туркестана (М. Чокаев)<sup>65</sup>.

Во время этого мероприятия жена Расулзаде Ванда Сломиньская 22 апреля 1936 г. написала в Варшаву письмо офицеру военной разведки майору Э. Харашкевичу, где отметила, что приехавший недавно из Турции М. Векилов распространяет злобную критику и проклятия в отношении Польши, а М.-Я. Мехтиев «играет двойную роль»<sup>66</sup>. Как

<sup>63</sup> См.: Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 32–33. Присоединение армянских представителей к СКК состоялось 28 мая 1940 г., когда они в подписанном договоре отказались от своих территориальных притязаний и признали существующую армяно-турецкую границу и существующие границы на Кавказе.

<sup>64</sup> В 1932 г. Азербайджанский национальный центр был поделен на три центра — Варшава (Расулзаде), Стамбул (Векилов), Париж (Мехтиев).

<sup>65</sup> Из истории азербайджанской эмиграции... С. 12–13.

<sup>66</sup> Исхаков С. «Прометей» и мусульмане Кавказа, Крыма, Поволжья, Туркестана и Урала // *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)*. Warszawa, 2012. С. 265.

правильно полагал А. Балаев (Баку), немалую роль в обострении противоречий среди политэмигрантов-мусульман сыграли политическое амбиции и борьба за лидерство отдельных деятелей азербайджанской эмиграции, ключевую роль в обострении этих взаимоотношений играли интриги советских спецслужб<sup>67</sup>. До сих пор неизвестно, как глубоко их агенты проникли в прометейское движение, в его руководство.

Еще одним важным событием политэмигрантского движения стал съезд партии «Мусават», который состоялся 5–7 августа 1936 г. в Варшаве. В докладе М.Э. Расулзаде, который он сделал тогда, были повторены фрагменты из его доклада, который он предоставил польскому консульству в Стамбуле еще в 1926 г., а именно: в 1918 г. II съезд партии «Мусават» выдвинул идею Кавказской Конфедерации. «Такое объединение Кавказа, как политической формы, способствующей освобождению Кавказа от русского вторжения и завоевания, по мнению партии, ничем не противоречит интересам освобождения турецких народов от того же ненавистного русского империализма; наоборот, служа гарантией прочного мира на Востоке и играя роль барьера против русского проникновения на юг, может служить наилучшим фактором в борьбе турецких народов с вековым врагом». Этот же текст повторяется в аналитической записке Особого отдела ОГПУ (от 10 октября 1931 г.), подготовленной для высшего руководства СССР<sup>68</sup>.

Возникает вопрос: каким образом этот стамбульский доклад попал на Лубянку? Очевидно, что в верхушке азербайджанской политэмиграции (Заграничном бюро партии «Мусават» и Азербайджанском национальном центре) имелся большевистский агент, который, имея доступ к подобным документам, передавал в Москву и другую секретную информацию о ее делах, планах, связях и пр. Рассекреченные в современной Грузии архивные данные позволили установить, что в Москве от этого агента имели точную информацию о деятельности Загранбюро и АНЦ. Так, 11 октября 1927 г. в Стамбуле состоялось очередное заседание Загранбюро партии «Мусават», на котором присутствовал и этот агент, который оставил его подробное описание, вскоре пересланное им в Иностраннный отдел Закавказского ГПУ в Тифлисе<sup>69</sup>, откуда это со-

<sup>67</sup> Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). М., 2009. С. 244–245.

<sup>68</sup> «Совершенно секретно»... Т. 9. М., 2013. С.197.

<sup>69</sup> Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции. 1920–1945 гг. Париж; Баку, 2014. С. 309, 315.

общение было направлено в Москву. В историографии установлено, что президиум Загранбюро состоял из трех лиц: М.Э. Расулзаде (председатель), Х. Хасмамедов и М.С. Ахундзаде<sup>70</sup>, а членами этого бюро являлись 14 эмигрантов, в том числе М. Векилов<sup>71</sup>. Этим информатором Москвы был один из 17 членов этого бюро. Кто же им был? Ответ на этот вопрос находится в рассекреченных в Баку и Тбилиси архивах советских спецслужб.

У Расулзаде и Ванды на этот счет, однако, имелась уверенность, что этими агентами были Векилов (член ЦК «Мусават» и представитель Стамбульского центра АНЦ) и Мехтиев (представитель Парижского центра АНЦ), о чем Расулзаде сказал 15 февраля 1937 г. Э. Харашкевичу, объяснив, что ситуация в АНЦ с начала 1936 г. начала осложняться вследствие интриг Векилова, который начал сеять смуту еще во время подготовки к поездке в Париж, находясь в Турции. Когда в августе 1936 г. Расулзаде созвал съезд «Мусават» и официально пригласил участвовать Векилова и Мехтиева, оба на этом съезде так и не появились, откровенно проигнорировали его и пытались поставить под сомнение правомочность его созыва, а после него занимались дискредитацией его результатов. 16 февраля 1937 г. Ванда написала второе письмо Харашкевичу, в котором сообщала, что ее первое письмо ему из Парижа было продиктовано возмущением, вызванным поведением Векилова, который называл поляков «les gueules polónaises» и т.п. Что касается Мехтиева, то он проявил в Париже с первого дня ее приезда необычайную «дружбу», осыпал дорогими подарками, пытался завоевать ее доверие. Он хотел, чтобы она повлияла на Расулзаде, чтобы тот разорвал отношения с Жордания. Ванда узнала о бесчисленной паутине интриг, которыми Мехтиев запутывал всех эмигрантов, идя на хитрость, ложь, с целью расколоть СКК. Во всех разногласиях в эмиграции, особенно среди горцев — его рука, считала Ванда. Главную роль в его деле — создать полный хаос в эмиграции играли деньги, которые он тратил очень широко. Ванда также сообщила, что в Париже она слышала клеветнические новости о Польше, источником которых был Чокаев<sup>72</sup>.

Чокаев, со своей стороны, в беседе, происходившей в Берлине, с начальником Восточного отделения Внешнеполитического управления

<sup>70</sup> Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). Политический портрет. Баку, 2014. С. 229.

<sup>71</sup> Şimşir S. Azerbaycan'ın İstiklâl Mücadelesi. İstanbul, 2006. S. 37.

<sup>72</sup> Исхаков С. «Прометей» и мусульмане Кавказа, Крыма, Поволжья, Туркестана и Урала... С. 267–272.

НСДПА украинским немцем Г. Лейббрандтом в марте 1938 г., сообщил, что среди политэмигрантов в кавказском вопросе начались большие разногласия и что один из лидеров горской эмиграции Бамматов резко критиковал политэмигрантское движение и характеризовал его как меньшевистско-марксистское<sup>73</sup>. Бамматов давал искаженную оценку прометейскому движению, рассчитывая, очевидно, на то, что в тогдашней Германии власти всеми способами боролись с любыми проявлениями коммунистической идеологии, что еще раз доказывает ненадежность донесений советских агентов о том, что в 1930-х гг. происходило сотрудничество между политэмигрантами-прометейцами и спецслужбами нацистской Германии, с большим подозрением на самом деле отнесшимися к ним.

В том же 1938 г. в Варшаве была опубликована брошюра, в которой грузинский прометейский эмигрант И.В. Цагурия назвал Бамматова «шпионом» «московского империализма», отмечая, что в эмиграции знают, что «Сталин не жалеет многих сотен тысяч, дабы поставить своих людей во главе больших эмигрантских организаций»<sup>74</sup>. В другой своей публикации Цагурия писал, что эмиграция за спиной Бамматова «узрела» Сталина, и то, что Бамматов чекист, было известно еще в Тифлисе в 1920 г.<sup>75</sup> Следствием этого скандала было то, что Бамматов в том же 1938 г. уехал из Парижа в Лозанну, где оставался во время Второй мировой войны. Возникает вопрос: почему грузинские прометейцы, давно зная, кем на самом деле был Бамматов, так долго не предавали это публичной огласке?

Конечно, Бамматов не был единственным большевистским агентом в мусульманской политэмиграции. По данным специалистов по истории советских спецслужб, эти политэмигранты находились в сфере особого внимания Лубянки уже в 1920-е гг., проводя вербовку и «перековку» их<sup>76</sup>. Никакие имена, однако, при этом не назывались. Цель таких тайных операций очевидна — разложить изнутри тюркско-мусульманскую политэмиграцию, которая оказывала сильное идеологическое влияние на мусульманское население СССР, вела острую критику советской национальной и религиозной политики, что негативно сказывалось

<sup>73</sup> Исхаков С. Издание наследия Мустафы Чокаева и вопросы прометейского движения // *Nowy Prometeusz*. 2019. № 13–14. С. 115.

<sup>74</sup> Цагурия И. Мы и они. Warszawa, 1938. С. 1, 2.

<sup>75</sup> Он же. *Quid novi?* Warszawa, 1939. С. 4, 6, 37.

<sup>76</sup> Зданович А.А. Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. М., 2017. С. 400.

на международном имидже Кремля, его внешней политике, особенно в странах Востока.

Общая позиция лидеров политэмигрантского движения по такому вопросу, как перспективы советского государства, была отчетливо выражена 27 ноября 1936 г. в Париже, где состоялась очередная их встреча, на которой был принят текст протеста против сталинской конституции СССР (утвержденной 5 декабря 1936 г.), с указанием, в частности, что Кремль пытается убедить весь мир, будто бы в СССР этой конституцией охраняются автономии и суверенность государств, которые силой оккупации втянуты были в состав СССР. Выразался протест против того, что территории, в частности, народов Поволжья, Урала, Северного Кавказа и Центральной Азии были искусственно раздроблены на отдельные фиктивно государственные единицы<sup>77</sup>, не считаясь с исторически сложившимся расселением народов и их интересами, что имело далеко идущие последствия для самого существования Советского Союза и власти самих коммунистов.

Таким образом, мусульманское политэмигрантское движение в Европе в межвоенный период трактуется в научной литературе с противоположных сторон. Один подход — распространенное у российских историков стремление реабилитировать советский миф о политических эмигрантах как послушных пособниках нацистской Германии, причем не обращая внимания на тот факт, что тесное сотрудничество высшего военно-политического руководства СССР и Германии, как общеизвестно, происходило вплоть до 22 июня 1941 г. Другой подход, преимущественно историков бывших советских республик, подчеркивает демократизм лидеров политэмигрантов, выражает явное восхищение перед некоторыми из них, переходящее порой в их героизацию, а иногда в откровенное приукрашивание их роли не только в сложных перипетиях эмигрантской жизни и их деятельности, но и в том, чем они были заняты до эмиграции, забывая о их ошибках и неудачах и ухитряясь возвеличить до уровня исторического события любой мелкий факт из их биографии, особенно политической. Многие обстоятельства жизни мусульманских лидеров в эмиграции до сих пор покрыты тайной, ряд ключевых моментов политэмигрантского движения остается еще неясным, далеким от осмысления, и вряд ли, если подходить с научной точки зрения, стоит их романтизировать, тем самым искажать и без того иногда крайне запутанную эмигрант-

<sup>77</sup> Мухаммед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя. № 8. С. 13.

скую историю, отдаляясь от познания исторической правды, какой бы она ни была.

Тщательное, скрупулезное изучение и бесстрастный анализ всего наследия, особенно документов личного происхождения, мусульманских политэмигрантов, покинувших Кавказ, Крым, Поволжье, Урал, Центральную Азию и оказавшихся в Европе в межвоенный период, только начинается в современной историографии. Необходима при этом постановка соответствующих вопросов исключительно в зависимости от требования научной мысли, свободы научного творчества, исторической достоверности, без подчинения и приспособления предвзятым теориям, концепциям, идеологиям, пристрастиям тех или иных авторов и иных лиц, заинтересованных в формировании в общественном сознании далеких от исторической действительности образов.

Очевидно, что среди прометейцев были как убежденные борцы с большевизмом, так и агенты чекистов, разрушавших прометейскую организацию, находясь в ее рядах, причем их имена до сих пор не раскрыты даже в публикациях представителей спецслужб разных стран, которые почему-то не хотят этого сделать. Можно предположить, что раскрытие их имен не только разрушит многие прежние и современные мифы, но вызовет шок у общественности и в какой-то мере повлияет на современную политику и международные отношения.

Главный вывод, который был сделан прометейской политологией в 1930-е гг., состоит в том, что «национальная» политика Кремля в полиэтничном советском обществе рано или поздно приведет без какого-либо внешнего вмешательства к глубинным изменениям, которые разрушат изнутри Советский Союз, что и произошло при самом активном и непосредственном участии находившихся в его составе народов.





## REFERENCES

1. *Balayev A. Mamed Emin Rasulzade [Mamed Emin Rasulzade] (1884–1955). M.: Flinta, 2009. 288 s.*
2. *Balayev A. Mamed Emin Rasulzade (1884–1955). Politicheskiy portret [Mamed Emin Rasulzade (1884–1955). Political portrait]. Baku: KitabKlubu.org, 2014, 504 s.*
3. *Bylinin V.K., Zdanovich A.A., Korotayev V.I. Organizatsiya «Prometey» i «prometeyskoye» dvizheniye v planakh pol'skoy razvedki po razvalu Rossii/SSSR [Organization «Prometheus» and «Promethean» movement in the plans of Polish intelligence for the collapse of Russia / USSR] // Trudy Obshchestva izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb [Proceedings of the Society for the Study of the History of Russian Special Services]. Vol. 3. M.: Kuchkovo pole, 2007. S. 318–414.*
4. *Copeaux E. Le Mouvement «Prométhéen» [The «Promethean» Movement] // Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien [Study notebooks on the Eastern Mediterranean and the Turkish-Iranian world]. 1993. № 16. P. 9–46.*
5. *Cwiklinski S. Die Wolga an der Spree. Tataren und Baschkiren in Berlin [The Volga on the Spree. Tatars and Bashkirs in Berlin]. Berlin: Ausländerbeauftragte, 2000. 68 s.*
6. *Dündar A.M. İngiliz Belgelerinde Sadri Maksudi Arsal ve «Rusya Müslümanları»nın Özgürlük Çabalarının Görmezden Gelineşi [Sadri Maksudi Arsal and Ignoring Freedom Efforts of «Muslims of Russia» in British Documents] // Yirmi Birinci Yüzyılda İdil–Ural [İdil–Ural in the Twenty-First Century]. İstanbul, 2008. S. 353–356.*
7. *Fedevich K.K. Politika «prometeizma» i nalazhivaniye pol'sko-ukrainskogo vzaimodeystviya na antisovetskoy platforme v Vostochnoy Galitsii v 1930-ye gg. [The policy of «prometheism» and the establishment of Polish-Ukrainian interaction on the anti-Soviet platform in Eastern Galicia in the 1930s.] // Professor MGU I.M. Belyavskaya. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2005. S. 161–172.*
8. *Fourniau V. Ali Mardan Toptchibachi: deux langues, trois pays, pour quelle société plurielle? [Ali Mardan Toptchibachi: two languages, three countries, for what plural society?] // Mélanges offerts à Louis Bazin*

- [Collection of articles offered to Mr. Louis Bazin]. Paris: L'Harmattan, 1992. P. 305–309.
9. *Gasanly Dzh.P.* Russkaya revolyutsiya i Azerbaydzhan: trudnyy put' k nezavisimosti [Russian revolution and Azerbaijan: the difficult road to independence]. M.: Flinta, 2011. 672 s.
  10. *Grishin Ya.Ya., Galiullin M.Z., Kadyrov R.R.* Prometeizm kak odin iz instrumentov antisovetskoy bor'by II Rechi Pospolitoy v 1918–1932 gg.: istoriya i sovremennost' [Prometheism one of the tools of the anti-soviet struggle II Polish-Lithuanian commonwealth in 1918–1932: history and modernity] // Nauka. Obshchestvo. Oborona. 2021. T. 9. № 1(26). S. 6–6.
  11. *Grishin Ya.Ya., Galiullin M.Z., Kadyrov R.R.* Prometeyskaya deyatel'nost' v 1932 g. – vtoroy polovine 30-kh godov XX veka [Prometheus activity in 1932 – the second half of the 30s of the XX century] // Nauka. Obshchestvo. Oborona. 2021. T. 9. № 2(27). S. 12–12.
  12. *İbrahimli X.* Azərbaycan mühacirəti tarixi [History of Azerbaijani emigration]. Bakı: TEAS Press, 2015. 259 s.
  13. *İbrahimli X.* Azərbaycan siyasi mühacirəti (1920–1991) [Political emigration of Azerbaijan (1920–1991)]. Bakı: Elm, 1996. 305 s.
  14. *Iskbakov S.* «Prometey» i musul'mane Kavkaza, Kryma, Povolzh'ya, Turkestana i Urala [«Prometheus» and Muslims of the Caucasus, Crimea, the Volga region, Turkestan and the Urals] // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940) [The Promethean movement and the struggle for the reconstruction of Eastern Europe (1918–1940)]. Warszawa: Institut Historii PAN, 2012. S. 245–276.
  15. *Iskbakov S.* Izdaniye naslediya Mustafy Chokayeva i voprosy prometeyskogo dvizheniya [Publication of the legacy of Mustafa Chokaev and issues of the Promethean movement] // Nowy Prometeusz. 2019. № 13–14. S. 109–136.
  16. *Iskbakov S.M.* Akhmed-Zakki Validov: noveyshaya literatura i fakty yego politicheskoy biografii [Akhmed-Zakki Validov: the latest literature and facts of his political biography] // Voprosy istorii. 2003. № 10. S. 147–159.
  17. *Iskbakov S.M.* Mustafa Chokayev: maloizvestnyye epizody politicheskoy zhizni i tvorchestva [Mustafa Chokaev: Little-Known Episodes of Political Life and Work] // Yevropeyskiye sravnitel'no-istoricheskiye issledovaniya. Vyp. 4. Vostok na Zapade, Zapad na Vostoke [European Comparative Historical Research. Issue 4. East to West, West to East]. M.: Institut vseobshchey istorii, 2014. S. 45–63.
  18. *Iskbakov S.M.* Vozzvaniye Sadri Maksudi k Parizhskoy mirnoy konferentsii: original i perevody [Appeal by Sadri Maksudi to the Paris Peace Conference: original and translations] // Tatarica. 2014. № 1(2). S. 93–113.

19. *Karayev A.M. ogly.* Azerbaydzhanskaya emigratsiya 1920–1930 gg. (Kul'turologicheskiy aspekt deyatel'nosti). Diss. ... kand. ist. nauk [Azerbaijani emigration 1920–1930 (The cultural aspect of the activity)]. Diss. ... cand. ist. sciences]. M., 1991.
20. *Kokebayeva G.K.* Germaniya — Rossiya — SSSR: politika, voyna i plen [Germany — Russia — USSR: politics, war and captivity]. Almaty: Kazak universiteti, 2009. 345 s.
21. *Landa R.G.* Rossiya i mir rossiyskogo islama [Russia and the world of Russian Islam]. M.: Izdatel'skiy dom «Medina», 2011. 507 s.
22. *Loginov A.V.* Yevraziya i islam. Yevraziyskiy vektor: musul'manskaya religioznaya i obshchestvenno-politicheskaya mysl' o tsivilizatsionnom yedinstve Rossii-Yevrazii [Eurasia and Islam. Eurasian vector: Muslim religious and socio-political thought about the civilizational unity of Russia-Eurasia]. M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2017. 342 s.
23. *Maj I.P.* Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939 [Activities of the Eastern Institute in Warsaw 1926–1939]. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 291 s.
24. *Mamoulia G.* Les combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentales. Les cas la Géorgie (1921–1945) [The independence struggle of the Caucasians between the USSR and the Western powers. The case of Georgia (1921–1945)]. Paris: L'Harmattan, 2009. 448 p.
25. *Mamoulia G.* Bor'ba za svobodu i nezavisimost' Kavkaza (1921–1945) [Struggle for freedom and independence of the Caucasus (1921–1945)]. Tbilisi-Parizh: Izdatel'stvo «Meridiani», 2012. 603 p.
26. *Mamoulia G., Abutalybov R.* Strana ogney. V bor'be za svobodu i nezavisimost'. Politicheskaya istoriya azerbaydzhanskoy emigratsii 1920–1945 gg. [Land of Lights. In the fight for freedom and independence. Political history of Azerbaijani emigration in 1920–1945]. Parizh-Baku: CBS, 2014. 584 s.
27. *Özcan Ö.* Bir vatandan bir vatana. Rusya Müslümanlarından Türk İlim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar [From one homeland to another. Russian Muslims Contributing to Turkish Science, Intellectual and Political Life]. İstanbul: Dergâh Yayınları, 2018. 680 s.
28. *Penati B.* L'emigrazione nazionalista musulmana dall'ex Impero russo in Europa occidentale, 1919–1939 [The Muslim nationalist emigration from the former Russian Empire to Western Europe, 1919–1939]. PhD thesis. [Paris], 2008. 615 p.
29. *Poslantsy Azerbaydzhana na Parizhskoy mirnoy konferentsii* [Envoys of Azerbaijan at the Paris Peace Conference]. Baku: Elm, 2010. 207 s.
30. *Qasimli M.* Azerbaycan Türklerinin millî mücadele tarihi. 1920–1945 [The history of the national struggle of the Azerbaijani Turks. 1920–1945]. Üsküdar, İstanbul: Kaknüs, 2006. 704 s.

31. *Sadykova B.I.* Mustafa Chokay v emigratsii [Mustafa Chokay in exile]. Almaty: Mektep, 2009. 248 s.
32. *Safarova A.* Ideya Kavkazskoy Konfederatsii v emigrantskiy period politicheskoy deyatel'nosti A.M. Topchibasheva [The idea of the Caucasian Confederation in the emigre period of the political activity of A.M. Topchibasheva] // *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Azerbaydzhana: Seriya istorii, filosofii i prava.* 2001. № 3. S. 10–20.
33. *Simonova T.M.* Kontseptsiya «prometeizma» i politika Pol'shi v otnoshenii emigratsii iz Rossii (1920–1930) [The concept of «prometheism» and the policy of Poland in relation to emigration from Russia (1920–1930)] // *Problemy istorii Russkogo zarubezh'ya: materialy i issledovaniya* [Problems of the history of the Russian emigration: materials and research]. Vyp. 1. M., 2005. S. 266–290.
34. *Simonova T.M.* Prometeizm vo vneshney politike Pol'shi. 1919–1924 gg. [Prometheism in Poland's foreign policy. 1919–1924] // *Novaya i noveyshaya istoriya.* 2002. № 4. S. 47–63.
35. *Simonova T.M.* Strategicheskiye zamysly nachal'nika pol'skogo gosudarstva Yuzefa Pilsudskogo. Prometeizm vo vneshney politike Pol'shi v 1919–1923 gg. [Strategic plans of the head of the Polish state, Jozef Pilsudski. Prometheism in Polish Foreign Policy in 1919–1923] // *Voyenno-istoricheskiy zhurnal.* 2001. № 11. S. 42–48.
36. *Şimşir S.* Azərbaycan'ın İstiklâl Mücadelesi [Azerbaijan's Struggle for Independence]. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2006. 280 s.
37. *Tsviklinski S.* Novyy dokument o prebyvanii Sadri Maksudi v Parizhe v 1919 g. [New document on the stay of Sadri Maksudi in Paris in 1919] // *Gasyrlar avazy – Ekho vekov.* 2006. № 1. S. 63–65.
38. *Zdanovich A.A.* Pol'skiy krest sovetskoj kontrrazvedki. Pol'skaya liniya v rabote VCHK–NKVD. 1918–1938 [Polish cross of Soviet counterintelligence. The Polish line in the work of the Cheka–NKVD. 1918–1938]. M.: Kraft+, 2017. 480 s.

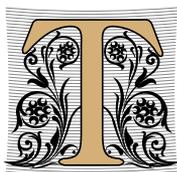


**Ключевые слова:**

Кавказ, Крым, Поволжье, Урал, Центральная Азия, мусульманское политэмигрантское движение, Г. Бамматов, А.-З. Валидов, Г. Исхаков, С.-А. Лапин, С. Максудов, М.Э. Расулзаде, Дж. Сейдамет, А.М. Топчибашев, А. Цаликов, М. Чокаев, С. Шамиль.

Salavat M. Iskhakov

## POLITICAL EMIGRATION OF MUSLIMS FROM THE CAUCASUS, CRIMEA, VOLGA REGION, THE URALS AND CENTRAL ASIA TO EUROPE (1918 — LATE 1930S)



The paper focuses on the struggle for self-determination that Muslims, who migrated to Europe from the Caucasus, the Crimea, the Volga region, the Urals and Central Asia underwent in the interwar period. The accounts and interpretations of this struggle vary widely in modern historiography, being subject to biases, propaganda and political factor. The provided evidence suggests that the national policy of the Soviet Union during the interwar period was fundamentally contradictory to the interests and desires of these peoples. This allowed the political minds of the Promethean Movement to conclude that the multi-ethnic Soviet society would undergo profound changes, which would destroy the USSR from within.

**Keywords:** Caucasus, Crimea, Volga Region, The Urals, Central Asia, Political emigration of Muslims, Haïdar Bammate, Ahmet Zeki Velidi Togan, G. Iskhakov, Sherali Lapin, Sadri Maksudi Arsal, Mahammad Amin Rasulzade, Cafer Seydahmet Kırımer, Alimardan bey Topchubashov, Akhmed Tsalikov, Mustafa Shokay, Said Shamil.

**Salavat M. Iskhakov** — Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Deputy Chairman of the History of Social Reforms, Movements and Revolutions Bureau of the Research Council on Fundamental Issues of Russian and Foreign History at the Russian Academy of Sciences.

 **Исхаков Салават Мидхатович** 

доктор исторических наук,  
заместитель председателя Секции «История социальных реформ,  
движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным  
вопросам российской и зарубежной истории